

УДК 821.161.1

Надежда Михайловна Харлова
г. Шадринск

Несобственно-прямая речь в рассказах И. А. Бунина

В статье рассматривается один из способов передачи чужой речи - несобственно-прямая речь. Материалом для исследования послужили рассказы И. А. Бунина. *Актуальность исследования* связана с тем, что в настоящее время как в вузе, так и в средней школе активно обращаются к феномену НПР. *Цель исследования*: установление способов выражения несобственно-прямой речи и ее функций в рассказах И. А. Бунина. *Объектом исследования* являются несобственно-прямая речь в рассказах И. А. Бунина. *Предмет исследования*: особенности структуры и функционирования НПР в рассказах И. А. Бунина. *Методы исследования*: для получения эмпирических и теоретических данных использовался метод анализа теоретических и методических работ. *Научная новизна исследования* заключается в следующем: обоснована необходимость учета роли НПР в организации художественного повествования. *Теоретическая значимость* определяется содержанием исследования, в котором предложен научно обоснованный подход к характеристике НПР как одному из способов передачи чужой речи в художественных произведениях. *Практическая значимость* данной работы заключается в возможности использования материалов данного исследования на занятиях с будущими учителями русского языка и литературы при изучении «Современного русского языка» (синтаксис сложного предложения), при изучении «Стилистики» (стилистические ресурсы синтаксиса), а также при подготовке учащихся к написанию классных и итоговых сочинений и изложений.

Ключевые слова: чужая речь, несобственно-прямая речь (НПР), двуплановый характер НПР, структура и функции НПР.

Nadezhda Mikhailovna Kharlova
Shadrinsk

Improper-direct speech in the stories of I.A. Bunin

The article discusses one of the ways of transmitting someone else's speech - improper direct speech. The material for the study was the stories of I.A. Bunin. The relevance of the study is related to the fact that currently both universities and secondary schools are actively addressing the phenomenon of improper direct speech. The purpose of the study is to establish the ways of expressing inappropriate direct speech and its functions in the stories of I.A. Bunin. The object of the study is inappropriate direct speech in the stories of I.A. Bunin. The subject of the study is the features of the structure and the functions of improper direct speech in the stories of I.A. Bunin. The research method is the analysis of theoretical and methodological works. The scientific novelty is in the necessity to take into account the role of improper direct speech in the organization of artistic narration. The theoretical significance is in a scientifically based approach to characterize improper direct speech as one of the ways of transmitting someone else's speech in literary works. The practical significance is in the possibility to use the materials in the classes with future teachers of the Russian language and literature in the study of Modern Russian (syntax of a complex sentence), in the study of Stylistics (stylistic resources of syntax) as well as in preparing students to write class and final essays and presentations.

Keywords: someone else's speech, improper direct speech, the two-dimensional nature of improper direct speech, the structure and functions of improper direct speech.

Введение. Вопрос о несобственно-прямой речи как общезыковой категории становится особенно актуальным в последнее время. Расширяется научная парадигма ее исследования, возникают новые аспекты в ее определении как языкового феномена. В связи с этим открывается перспектива изучения ее специфических функций и форм в различных жанрах художественной литературы.

Несобственно-прямая речь (НПР) – это один из способов передачи чужой речи, это отрывок текста, который передает, мысли, чувства персонажа от лица автора, причем передача текста повествователя не маркируется графическими знаками. Например: «Мужик совсем омертвел, тащась на гору. Вдруг там, из-за сосен палисадника, блеснул в окне огонь. Слава богу, еще не спят!» [3, С. 486]; «Светлый лес струился, трепетал, с дремотным лепетом и шорохом убежал куда-то... Куда, зачем? И можно ли было остановить его? И я закрывал глаза... » [3, С. 376]; «Он шел и глядел по сторонам... Как коротка и бесполова жизнь!» [3, С. 42].

В настоящее время при изучении современного русского языка, литературы как в вузе, так и в средней школе активно обращаются к феномену НПР. С этим связана актуальность нашего исследования.

Цель исследования: установление способов выражения несобственно-прямой речи и ее функций в рассказах И. А. Бунина.

Сформулированная цель предполагает решение следующих задач:

1. Определить содержание понятия НПР в грамматике и стилистике.
2. Определить способы языкового выражения НПР в рассказах И. А. Бунина.
3. Провести лингвостилистический анализ фрагментов рассказов с НПР.
4. Проанализировать функции НПР в рассказах И. А. Бунина.

Объектом исследования является несобственно-прямая речь в рассказах И. А. Бунина.

Предмет исследования: особенности структуры и функционирования НПР в рассказах И. А. Бунина.

Методы исследования: для получения эмпирических и теоретических данных использовался метод анализа теоретических и методических работ (диссертаций, научных статей, монографий, методических пособий).

Методологическую основу исследования составили работы В. В. Виноградова, М. М. Бахтина, В. Н. Волошинова Н. Ю. Шведовой, И. И. Ковтуновой, И. Б. Голуб, Г. Г. Инфантовой, Н. В. Смирновой и других ученых.

Научная новизна исследования заключается в следующем: обоснована необходимость учета роли НПР в организации художественного повествования.

Теоретическая значимость определяется содержанием исследования, в котором предложен научно обоснованный подход к характеристике НПР как одному из способов передачи чужой речи в художественных произведениях.

Эмпирической базой исследования послужили текстовые фрагменты с НПР из рассказов И.А. Бунина. Всего рассмотрено около 200 текстовых фрагментов, полученных путем сплошной выборки.

Практическая значимость данной работы заключается в возможности использования материалов данного исследования на занятиях со студентами-филологами при изучении «Современного русского языка» (синтаксис сложного предложения), при изучении «Стилистики» (стилинические ресурсы синтаксиса), а также при подготовке учащихся к написанию классных и итоговых сочинений и изложений.

Анализ исследований и публикаций

Несобственно-прямая речь являлась объектом изучения в трудах В. В. Виноградова, М. М. Бахтина, Н. Ю. Шведовой, И. И. Ковтуновой, И. Б. Голуб, Г. Г. Инфантовой, В. В. Сысоевой и др.

В настоящее время в науке о языке уделяется достаточно серьезное внимание феномену НПР. Несобственно-прямая речь является объектом изучения в диссертационных исследованиях, в научных статьях, в монографиях. Так В. В. Сысоева в диссертационном исследовании описывает «Нарративный потенциал НПР в художественном тексте» [16]. Л. Д. Беднарская в диссертации [2] описывает НПР как синтаксическое явление. А. А. Джемилева [8] обоснованно считает несобственно-прямую речь основным повествовательным приемом в рассказе Эрвина Умерова «Счастливый билет». Диссертация Лю Цюань посвящена анализу «Несобственно-прямой речи и ее экспрессивно-стилистической роли в авторском повествовании (на материале прозы И. А. Бунина, К. Г. Паустовского, Ю. П. Казакова и В. М. Шукшина)» [10]. НПР становится объектом изучения при анализе языка писателей (Например, языка и стиля Л. Н. Толстого [19]), при характеристике жанра исторического романа [12], при создании лингвистического портрета героя [17].

Феномен несобственно-прямой речи был выявлен в конце 19 в. и, по мнению В. В. Сысоевой, «нашел свое отражение в работах по философии, культурологии, литературоведению и лингвистике как за рубежом, так и в России» [16].

М. М. Бахтин в капитальном труде «Вопросы литературы и эстетики: Исследования разных лет» называет НПР «чужой речью в скрытой форме» [5, С. 76, С. 116]. И далее поясняет: «За рассказом рассказчика мы читаем второй рассказ автора о том же, о чем рассказывает рассказчик и, кроме того, о самом рассказчике» [5, С. 127]. На с. 132 автор употребляет термин несобственно-прямая речь» [5, С. 132].

Считается, что «термин НПР вошел в научный обиход позднее, в двадцатых годах 20 века» [15, С. 603].

В. Н. Волошинов увидел в этом языковом факте «проблемы громадной общелингвистической и принципиальной важности» [4, С. 408]. «В высшей степени продуктивным, «узловым» явлением представляется нам так называемая чужая речь, то есть синтаксические шаблоны («прямая речь», «косвенная речь», «несобственно-прямая речь», модификация этих шаблонов и вариации этих модификаций, какие мы встречаем в языке для передачи чужих высказываний и для включения этих высказываний ... в связный монологический контекст...» [4, С. 407-408].

В «Русской грамматике» 1980 г. феномен несобственно-прямой речи описан лишь несколькими словами: «...авторский план не существует отдельно от плана чужой речи, а слит с ним, имеет место несобственно-прямая речь: Она будто (бы) слышала этот шум; [Фамусов:] В Москве прибавят вечно втрое: Вот будто женится на Сонюшке. Пустое! (Гриб.)» [14, С. 485].

Д. Э. Розенталь в «Словаре лингвистических терминов» так представляет НПР: «Несобственно-прямая речь – форма передачи чужой речи, сочетающая в себе элементы прямой и косвенной речи. В НПР в той или иной степени отражаются лексические и синтаксические особенности чужого высказывания, манера речи литературного персонажа, эмоциональная окраска, характерная для прямой речи, но передается она не от имени персонажа, а от имени автора, рассказчика, который в этом случае выражает мысли и чувства своего героя, сливает его речь со своей речью. В результате создается двуплановость высказывания: передается «внутренняя речь» персонажа, его мысли, настроения (и в этом смысле «говорит» он), но выступает за него автор; объективная оценка событий сочетается с преломлением их сквозь призму восприятия персонажа» [13, С. 231-232].

Исследовательская часть

В науке о языке отмечается существование двух различных подходов к определению статуса несобственно-прямой речи:

1) НПР рассматривается как синтаксическая структура, служащая для передачи чужой речи, в ряду таких синтаксических явлений, как прямая речь и косвенная речь;

2) НПР определяется как стилистический прием художественной речи, характеризующийся слиянием речи автора и речи персонажа» [15, С. 603].

Такой статус должен показать «природу НПР – стилистическую (Е. Н. Ширяев, В. В. Чалый) или синтаксическую (Е. В. Падучева, Г. Г. Инфантова) [16, С. 10]. По мнению В. В. Сысоевой, «Вторая позиция представляется более доказательной, поскольку явление НПР связано с формальными аспектами предложения и при их изменении не сохраняет тождественного содержания. НПР является элементом синтаксической парадигмы способов передачи чужой речи, в котором происходит контаминация форм прямой и косвенной речи» [16, С. 10].

На двуплановый характер несобственно-прямой речи указывает И. Б. Голуб: «Главная особенность НПР в том, что она двупланова: формально как будто принадлежит автору, но включает и элементы прямой речи персонажей. Речь автора преобразуется в НП незаметно для читателя: писатель рассказывает о своем герое, затем возникают новые интонации, характерные для этого героя словечки, и уже не понять кто говорит – писатель или его персонаж, или тот и другой одновременно. НПР дает возможность писателю освещать одно и то же явление с разных точек зрения одновременно – и объективно (с авторской позиции), и субъективно (через восприятие героя)» [6, С. 408].

Русские писатели в своих произведениях активно использовали НПР. Достаточно много примеров мы отмечаем у А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, А. П. Чехова, Л. Н. Толстого, Б. Л. Пастернака, М. А. Булгакова и др., причем как в прозаических, так и в поэтических текстах.

А. С. Пушкина считают первым мастером слова, обратившимся к такой форме передачи чужой речи. В его поэме «Евгений Онегин» отмечаем:

*«Ужель та самая Татьяна,
Которой он наедине
В начале нашего романа,
В глухой, далёкой стороне,
В благом пылу нравоученья,
Читал когда-то наставленья,
Та, от которой он хранит
Письмо, где сердце говорит,
Где всё наруже, всё на воле,
Та девочка... иль это сон?»* (А. С. Пушкин «Евгений Онегин»).

По наблюдениям Л. Д. Беднарской, «Пушкин ... демонстрирует самый сложный вариант несобственно-прямой речи, когда объективный и субъективный компоненты сливаются, теряют свою специфику и создают глубинную неразделимую контаминацию, когда сливаются в единую амальгаму разные виды информации. Объективная информация, преломляясь через восприятие автора и персонажа, представляет собой информацию другого рода: субъективно-репрезентативную, оценочную, экспрессивную, эстетически переосмысленную» [2].

Н. В. Гоголь активно использовал несобственно-прямую речь как художественный прием: «Дамы города N были... нет, никаким образом не могу: чувствуется точно робость. В дамах города N больше всего замечательно было то... Даже странно, совсем не подымается перо, точно будто свинец какой-нибудь сидит в нём» (Н. В. Гоголь «Мертвые души») [6]. «Воспроизведение событий и впечатлений с точки зрения их непосредственного

восприятия и переживания персонажем, а не в форме объективно-авторской передачи, — не только усиливает драматизм изображения, но и обостряет представление того или иного процесса в его последовательном движении, в его динамике» [11, С. 26].

«Это были почетные чиновники в городе. Увы! Толстые умеют лучше на этом свете обделывать дела свои, нежели тоненькие. Тоненькие служат больше по особенным поручениям или только числятся и виляют туда и сюда; их существование как-то слишком легко, воздушно и совсем ненадежно. Толстые же никогда не занимают косвенных мест, а все прямые, и уж если сядут где, то сядут надежно и крепко, так что скорей место затрещит и угнется под ними, а уж они не слетят ...» (Н. В. Гоголь «Мертвые души») [6].

Отмечаем факт использования НПР и А. П. Чеховым: «Никого не было. Да и кто пойдет сюда в полночь? Но Старцев ждал, и, точно лунный свет подогревал в нем страсть, ждал страстно и рисовал в воображении поцелуи, объятия. Он посидел около памятника с полчаса, потом прошелся по боковым аллеям...» (А. П. Чехов «Ионыч») [18].

Объектом нашего исследования является несобственно-прямая речь в рассказах И. А. Бунина. НПР в произведениях И. А. Бунина является одним из основных средств передачи психологического состояния героев, придает тексту полифоничный, многоплановый характер, что приводит к созданию более реальных образов. Не во всех рассказах автор одинаково широко использует НПР. Например, как отмечают исследователи, «в «Темных аллеях» «наблюдается частичный отказ от несобственно-прямой речи» [1].

Иван Алексеевич Бунин (1870-1953) – русский писатель, поэт, лауреат Нобелевской премии 1933 года. Тематика его рассказов различна: жизнь – смерть, любовь – ненависть, духовное становление человека, драматические судьбы людей. их взаимоотношения, жизнь дворянских усадеб, природа. Его рассказы философичны, символичны, эмоциональны, они наполнены психологизмом, тонкими наблюдениями. Во многом они автобиографичны.

В рассказах «Древний человек», «Хорошая жизнь», «Ночной разговор», «Веселый двор» писатель отображает жизнь типичных слоев русского народа: крестьянства, мещанства, мелкопоместного дворянства. В рассказе «Соотечественник» И. А. Бунин обращается к теме катастрофичности бытия, к теме предназначения человека, возможности счастья и любви. Рассказы «Антоновские яблоки», «Чистый понедельник», «Господин из Сан-Франциско», «Легкое дыхание», «Темные аллеи», «Лапти», «Ганька», «Холодная осень», «Деревня», «Суходол» и др. изучаются в средней школе (в различном объеме в зависимости от УМК).

Как показал анализ фактического языкового материала, в рассказах И.А. Бунина отмечается довольно активное употребление несобственно-прямой речи. Например: «За заставой, где свернуло шоссе в сторону, где отстали гремящие телеги и охватила тишина, простор и зной степи, опять почувствовал он, что все-таки самое главное на свете – «дело». Эх, и нищета же кругом! Дотла разорились мужики, тринки не осталось в оскудевших усадьбишках, раскиданных по уезду... Хозяина бы сюда, хозяина!» [3, С. 44]; «Мимо окон прошла чья-то тройка. Тихон Ильич внимательно оглядел ее. Лошади поджарые, но, видно, резвые... За кем бы это?... Потом прошел Дениска-сапожник. Куда это? И с чем?» [3, С. 69]; «Англичанин, его седок, увидев концы изогнутых ресниц, уловил слово «бетель» и поднял брови. Как? Такой молодой, крепкий, пробежал каких-нибудь двести шагов – и уже бетель? Не ответив, он ударил рикшу по лопаткам» [3, С. 225]; «Опять это были чьи-то чужие, театральные слова, но они, при всей их вздорности и избитости, тоже касались чего-то мучительно неразрешимого. Он не знал, за что любил, не мог точно сказать, чего хотел... Что это значит вообще – любить?» [3, С. 293]. Как мы уже отмечали, в этих примерах с НПР передается «внутренняя речь» персонажа, его мысли, настроения (и в этом смысле «говорит» он), но выступает за него автор; объективная оценка событий сочетается с преломлением их сквозь призму восприятия персонажа. Происходит «совмещение речевых планов автора и субъекта передаваемой речи» [15, С. 604].

НПР как синтаксическая единица в рассказах И. А. Бунина представляет собой, в основном, самостоятельное предложение вопросительного (в приведенных цитатах: *Как? За кем бы это? Куда это? И с чем?*) или восклицательного характера (в приведенных цитатах: *Эх, и нищета же кругом! Хозяина бы сюда, хозяина!*). С точки зрения структуры это простые (односоставные и двусоставные) или нечленимые предложения. Такие краткие структуры отражают естественный ход мысли и могут относиться к устной разговорной речи. В связи с этим отмечаем наличие вопросительных местоимений, наречий, частиц различного типа. Другим видом структурной организации НПР в рассказах И. А. Бунина являются сложные предложения (в основном, сложносочиненные и сложноподчиненные). «Признаками данного типа НПР являются, прежде всего, смена временного плана, изменение модальности» [9].

Анализируя НПР с точки зрения стилистической, мы отмечаем, что, в основном, она является приметой языка художественной литературы. «Употребление же НПР за пределами художественной литературы, в других стилевых разновидностях русского языка до сих пор остается совсем не исследованным» [12]. Однако учитываем и тот факт, что такой способ передачи речи присутствует в публицистическом и разговорном стилях. Экспрессивность, риторичность вопросов, которые задает автор, создают особый интонационный рисунок повествования: «Он потребовал к себе в комнату чаю и стал убирать из гардероба вещи в чемоданы... Перед вечером спустился в вестибюль, заказал приготовить счет... *Какой он, этот австрияк? По портретам и по рассказам Генриха, рослый, плечистый... Но что о нем думать! И мало ли что будет еще в жизни!*» [3, С. 655]. Автор как будто ведет внутренний диалог, задает вопросы, на которые не всегда находится ответ: «Ворота сарая были всегда были открыты – ничто не мешало забегать в него когда угодно,... садиться верхом на дрожки, залезать в тарантас... и, подпрыгивая, ехать куда-нибудь далеко, далеко... *Почему с детства тянет человека даль, ширь, глубина, высота, неизвестное, опасное, то, где можно размахнуться жизнью, даже потерять ее за что-нибудь или за кого-нибудь?*» [3, С. 350].

И. А. Бунин довольно часто вкладывает свои мысли в высказывания героев. Такие размышления передаются в несобственно-прямой речи: «Чернозем-то какой! Грязь на дорогах – синяя, жирная, зелень деревьев, трав, огородов – темная, густая... Но избы – глиняные, маленькие, с навозными крышами. Возле изб – разохшиеся водовозки. Вода в них, конечно, с головастиками... *Пещерные времена, накажи бог, пещерные!*» [3, С. 89]; «Кинув письмо в полоскательницу, он поставил локти на стол, глядя на лампу... *Чудной мы народ! Пестрая душа! То чистая собака человек, то грустит, жалуется, нежничает, сам над собою плачет...* » [3, С. 76]. Душевные переживания, сомнения в правоте, стремление к счастью, поиски выхода из создавшегося положения автор передает при помощи несобственно-прямой речи. Например: «Давно наступили весенние сумерки..., а Митя все еще стоял возле дребезжащего окна, чувствуя запах Катиной перчатки... В новом свете, опять в новом, стояла перед ним и Катя... *Да, да, кто она, что она такое? А любовь, страсть, душа, тело? Это что такое? Вот этот запах перчатки – разве это тоже не Катя, не любовь, не душа, не тело?*» [3, С. 298]; «После обеда он навзничь лежал на плетеном диване, закрыв глаза... Сердце дрожало, в голове стоял неразрешимый вопрос: *а как же дальше дело с Аленкой? Когда же оно решится окончательно? Почему староста не спросил ее вчера прямо: согласна ли она, и, если да, то где и когда?*» [3, С. 322].

Функции НПР в рассказах И.А. Бунина различны:

1. Изобразительно-выразительная функция – основная. Действительно, изобразительно-выразительный потенциал НПР огромен. Например, Т. Е. Трощинская-Степушина считает «несобственно-прямую речь средством создания лингвистического портрета героя» [17]. Речь героев насыщена разговорной и просторечной лексикой, русскими фразеологизмами («Расстегнув ворот рубахи, Тихон Ильич с горькой усмешкой ощупал шею, впадины по шее за ушами... *Первый знак старости эти впадины...* Он нагнул голову, запустил пальцы в бороду... *И борода седая, сухая, путаная. Нет, шабаш, шабаш, Тихон*

Ильич!» [3, С. 77]; «.. вид острога еще больше возбудил мысль о бегстве. *Вона, и в бегах живут!... Случается, что и ловят господа своих беглых... Да авось и в остроге не быки, а мужики...!»* [3, С. 161]). В рассказах И. А. Бунина несобственно-прямая речь служит для передачи состояний героев, состояния природы, окружающей среды: «А черное небо чертят огнистыми полосками падающие звезды... *Как холодно, росисто, и как хорошо жить на свете!»* («Антоновские яблоки») [3, С. 17]; «Старуха ... отворяет дверь в коридор... *Еще мрачнее в этих пустых комнатах!.. я отступаю к стеклянной двери на разошедший балкон, с трудом отворяю ее... Какой вечер! Как все цветет и зеленеет...!»* («Золотое дно») [3, С. 32]; «И Кузьма вспомнил, почувствовал, что он смертельно болен... *Значит, в прихожей, пахнувшей снегом, соломой и хомутами, было пусто! Значит, он, больной и беспомощный, совсем один в том ледяном домишке...!»* («Деревня») [3, С. 119].

2. Конструкции с НПР являются средствами композиционной организации художественного текста. Мы уже отмечали, что текстовые фрагменты, включающие НПР, в рассказах И. А. Бунина достаточно объемные. Такие фрагменты композиционно организуют прозаический текст, представляя его отдельные микротемы. Например: «... ярмарка разъезжалась. Но Тихон Ильич, точно назло кому-то... все сидел на телеге. *Господи боже мой! Что за край! Чернозем на полтора аршина, да какой! А пяти лет не проходит без голода. Город на всю Россию славен хлебной торговлей, – ест этот хлеб досыта сто человек во всем городе. А ярмарка? Нищих, дурачков, слепых и калек – полк целый!»* («Деревня») [3, С. 41]. В данном примере фрагмент является периодом – сложной формой организации речи и представляет собой отдельный абзац.

3. НПР является «способом передачи не только внутренней, но и внешней (произнесенной) речи персонажа: персонаж излагает свою смысловую позицию в фиктивном (вымышленном) мире текста, однако в фикциональном (реальном) тексте субъектом речи является повествователь» [16, С. 7]. В рассказе И. А. Бунина «Деревня») отмечаем факт переноса внешней речи во внутреннюю:

« – Страм сказать! – пробормотал он. – В Москве сроду не бывал!

Да, не бывал. А почему? Кабаны не велят! То торгашество не пускало, то постоянный двор, то кабак... Да что – Москва! В березовый лесушко, что за шоссе, и то десять лет напрасно прособирался!» [3, С. 63]. Герой как будто продолжает диалог, но уже во внутренней речи.

4. НПР служит средством выражения эмоционального фона повествования. Страдания от неразделенной любви, сожаление об уходящей молодости, обреченность, бессилие что-либо изменить (рассказы заканчиваются неизбежной смертью героев) – и вместе с тем вера в лучшее будущее России, в уникальность каждого русского человека создают особый эмоциональный рисунок повествования: «Он останавливался, пил и закрывал глаза. *Ах, хорошо! Хорошо жить, но только надо непременно сделать что-нибудь удивительное!»* («Захар Воробьев») [3, С. 140].

В некоторых случаях в рассказах И. А. Бунина граница между НПР и косвенной речью носит условный характер: «А через минуту в дверь господина из Сан-Франциско легонько стукнул француз-метрдетель, явившийся, чтобы узнать, *будут ли господа приезжие обедать*, и в случае утвердительного ответа, в котором, впрочем, не было сомнения, доложить, что *сегодня лангуст, ростбиф, спаржа, фазаны* и так далее» [3, С. 253]. Так же подвижна оказывается граница между прямой и косвенной речью: «Он говорит, ... что он испытал чувства необыкновенные на пути сюда, в те жаркие звездные ночи, когда впервые глядел на Южный Крест... *Да, да, восклицает он* настойчиво, уставясь на гостя своими черными очками, – совершенно пуст был небосклон вокруг нее! Зрелище нового мира, новых небес раскрывалось передо мною... » [3, С. 283].

Заключение

1. Несобственно-прямая речь (НПР) является общеязыковой категорией, «это особый способ передачи чужой речи, при котором чужая речь передается одновременно и от лица автора, и от лица того, кому она принадлежит» [15, С. 602]. Она употребляется в художественной литературе в прозаических и поэтических произведениях.

2. Несобственно-прямую речь следует характеризовать как синтаксическую единицу и как единицу стилистического ресурса синтаксиса.

3. В рассказах И.А. Бунина НПР играет важную роль. С помощью НПР И. А. Бунину удаётся показать духовный мир героя, его взаимоотношения с другими героями, его мироощущение. Отмечается «отсутствие прямого авторского вмешательства и полное проникновение во внутренний мир персонажа, переданное посредством несобственно-прямой речи» [8, С. 114].

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Богданова, О.В. Образ нарратора в рассказе И. Бунина «В одной знакомой улице» / О.В. Богданова, Лю Цзюань. – URL: https://otherreferats.allbest.ru/literature/01348037_0.html (дата обращения: 15.01.2024). – Текст : электронный.

2. Беднарская, Л.Д. Синтаксис романа А. С. Пушкина «Евгений Онегин» / Л.Д. Беднарская. – URL: <https://textarchive.ru/c-2919889-pall.html> (дата обращения: 21.02.2024). – Текст : электронный.

3. Бунин, И.А. Избранные сочинения / И.А. Бунин. – Москва : Художественная литература, 1984. – 750 с. – Текст : непосредственный.

4. Волошинов, В.Н. Марксизм и философия языка / В.Н. Волошинов. – Текст : непосредственный // Бахтин, М.М. Тетралогия / М.М. Бахтин. – Москва : Лабиринт, 1998. – С. 407-408.

5. Бахтин, М.М. Вопросы литературы и эстетики: исследования разных лет / М.М. Бахтин. – Москва : Художественная литература, 1975. – 502 с. – Текст : непосредственный.

6. Гоголь, Н.В. Мертвые души / Н.В. Гоголь. – Доступ с сайта «Интернет библиотека Алексея Комарова». – URL: <https://ilibrary.ru/text/78/p.2/index.html> (дата обращения: 23.02.2024). – Текст : электронный.

7. Голуб, И.Б. Стилистика русского языка / И.Б. Голуб. – Москва : Айриспресс, 2005. – 448. – Текст : непосредственный.

8. Джемилева, А.А. Несобственно-прямая речь как основной повествовательный прием в рассказе Эрвина Умерова «Счастливый билет» / А.А. Джемилева. – Текст : электронный // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия: Филология. Социальные коммуникации. – 2009. – Т. 22 (61), № 3. – С. 111-115. – URL: <https://sn-philol.cfuv.ru/wp-content/uploads/2016/12/111-115.pdf> (дата обращения: 15.02.2024).

9. Лю Цзюань. Формы несобственно-прямой речи в художественном тексте / Лю Цзюань. – Текст : электронный // Веснік МДПУ імя І. П. Шамякіна. – 2010. – № 2 (27). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formy-nesobstvenno-pryamoj-rechi-v-hudozhestvennom-tekste/viewer> (дата обращения: 15.02.2024).

10. Лю Цзюань. Несобственно-прямая речь и ее экспрессивно-стилистическая роль в авторском повествовании: (на материале прозы И.А. Бунина, К.Г. Паустовского, Ю.П. Казакова и В.М. Шукшина) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Лю Цзюань. – Москва, 1995. – 24 с. – Текст : непосредственный.

11. О языке ранней прозы Гоголя, 2003. – Текст : электронный. – URL: <https://feb-web.ru/feb/gogol/critics/vgog/vin-005-.htm> (дата обращения: 14.02.2024).

12. Петросян, Г.О. Функции и формы несобственно-прямой речи в жанре исторического романа (на материале произведений А.Н. Толстого «Петр I» и Ю. Н.

Тынянова «Пушкин») : автореф. дис. ... канд. филол. наук / О.Г. Петросян. – Ставрополь, 2008. – Текст : непосредственный.

13. Розенталь, Д. Э. Справочник по русскому языку. Словарь лингвистических терминов / Д. Э. Розенталь, М. А. Теленкова. – Москва : Оникс ; Мир и образование, 2008. – 624 с. – Текст : непосредственный.

14. Русская грамматика. В 2 т. Т. 2. Синтаксис / гл. ред. Н.Ю. Шведова ; Е. А. Брызгунова, К. В. Габучан, В. А. Цикович [и др.]. – Москва : Наука, 1980. – 709 с. – Текст : непосредственный.

15. Современный русский язык. Теория. Анализ языковых единиц. В 2 ч. Ч. 2 : учебник / В.В. Бабайцева, Н.А. Николина, В.С. Печникова [и др.] ; под ред. Е.И. Дибровой. – Москва : Академия, 2011. – 624 с. – Текст : непосредственный.

16. Сысоева, В.В. Нарративный потенциал несобственно-прямой речи в художественном тексте : автореф. дис. ... канд. филол. наук / В.В. Сысоева. – Белгород, 2004. – URL: <https://www.dissercat.com/content/narrativnyi-potentsial-nesobstvenno-pryamoi-rechi-v-khudozhestvennom-tekste> (дата обращения: 20.02.2024). – Текст : электронный.

17. Трощинская-Степушина, Т.Е. Несобственно-прямая речь как средство создания лингвистического портрета героя / Т.Е. Трощинская-Степушина. – Текст : электронный // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. – 2013. – Т. 26 (65), № 1. – С. 63-67. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nesobstvenno-pryamaya-rech-kak-sredstvo-sozdaniya-lingvisticheskogo-portreta-geroya> (дата обращения: 18.02.2024).

18. Чехов, А.П. Ионыч. / А.П. Чехов. – URL: https://novoros26.krd.eduru.ru/media/2021/02/02/1247132739/Chexov_A.P_IONY_Ch.pdf (дата обращения: 12.02.2024). – Текст : электронный.

19. Язык и стиль Л. Н. Толстого // Материалы XIII Толстовских чтений. – Тула : Тульский гос. пед. ин-т им. Л.Н. Толстого 1976. – URL: https://tsput.ru/fb/Tolstov_sb/ТЧ_1976/files/assets/common/downloads/publication.pdf (дата обращения: 11.02.2024). – Текст : электронный.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

Н. М. Харлова, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры филологии и социогуманитарных дисциплин, ФГБОУ ВО «Шадринский государственный педагогический университет», г. Шадринск, Россия, e-mail: nkharlova@bk.ru.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR:

N. M. Kharlova, Ph. D. in Philological Sciences, Associate Professor, Department of Philology and Social Sciences and the Humanities, Shadrinsk State Pedagogical University, Shadrinsk, Russia, e-mail: nkharlova@bk.ru.